

По словам 19-летнего азербайджанца, однажды утром в середине августа он проснулся от звуков и запаха льющегося на его тело бензина и гневных выкриков матери. Еще не пробудившись окончательно ото сна, молодой человек увидел, как мать поджигает кусок бумаги. Внезапно, по словам юноши, он отчетливо осознал намерения матери: она собиралась сжечь собственного сына за гомосексуальную ориентацию.

Эта история, поведенная EurasiaNet.org молодым человеком, назвавшимся именем Малик, чтобы не раскрывать своего настоящего имени, являет собой составную часть тревожной картины третирования представителей ЛГБТ-сообщества в этой прикаспийской республике. Власти пока, судя по всему, не заинтересованы предпринимать попытки как-то решить эту проблему – и это при том, что страна на данном этапе председательствует в Комитете министров главного правозащитного органа Европы – Совета Европы.

В отличие от многих мусульманских государств, законодательство Азербайджана не содержит статьи, предусматривающей наказание за гомосексуальность, бисексуальность или трансгендерность. Однако уровень неодобрения, существующий в этом обществе с его тесными семейными и родственными узами, очень высок, и это, по словам некоторых, ложится тяжким бременем на плечи граждан, принадлежащих к ЛГБТ-сообществу Азербайджана.

Как явствует из рассказа Малика, в его случае сжечь сына родительнице помешала сестра молодого человека. Правда, мать, по утверждению Малика, расцарапала его до крови. По словам Малика, до сих пор не оправившегося от шока и физической боли в результате пережитого, сейчас он проживает у друга. Мать же, по его утверждению, знала о его гомосексуальности, но «никогда не признавала этого вслух».

«Когда она узнала о том, что я принял участие в работе ЛГБТ-семинара в Баку, являвшегося публичным мероприятием, она осознала, что больше невозможно отрицать тот факт, что я являюсь гомосексуалом, – говорит Малик. – Это было для нее невыносимо».

В Азербайджане с его культурой, сильно ориентированной на семейные ценности, неодобрение со стороны родственников зачастую ощущается больше всего. «Семья – вот чего в первую очередь боятся представители ЛГБТ-сообщества, – полагает Джавид Атилла Небиев, возглавляющий одну из немногих общественных бакинских организаций по вопросам ЛГБТ, а именно «Нефес ЛГБТ». – Это самая первая, маленькая ячейка общества, в которой представители ЛГБТ-сообщества сталкиваются с проблемами».

55-летний художник Баби Бадалов, не скрывающий своей гомосексуальной ориентации, восемь лет назад уехал из Азербайджана в Великобританию после того, как брат пригрозил убить его за принадлежность к геям. Художник винит в подобном отношении 71-летнюю советскую историю страны, в которой никогда не поднимались связанные с ЛГБТ вопросы.

«Это было табу, – говорит художник, проживающий ныне во Франции. – Люди даже не знали о существовании нетрадиционной сексуальной ориентации и полов».

И хотя в сегодняшнем Азербайджане существует «свобода знания», советское прошлое продолжает сказываться на нынешних взглядах, добавляет Баби

Бадалов. «За исключением отдельных толерантных кругов в столице Баку, негетеросексуальная ориентация воспринимается как что-то крайне ненормальное и отвратительное».

Вот почему гею «ради собственной безопасности» приходится «постоянно» думать о том, «как одеться, чтобы не выделяться из толпы» или каким-то иным образом не привлечь к себе внимание, утверждает художник. Многие в Азербайджане часто полагают, что мужчина с серьгой в ухе или в необычной цветной одежде – это гомосексуал.

Решив не обращать внимания на подобные представления, Баби Бадалов, по его словам, остановился на ношении серьги в ухе.

Эти сложности испытала на себе 22-летняя азербайджанская транссексуалка. Родившись женщиной, Лейла (попросившая называть ее только по имени) одевается в мужскую одежду и считает себя мужчиной. По утверждению Лейлы, в семье порой прячут ее одежду, держат ее саму под замком и угрожают убить, если она не оденется, «как подобает женщине».

По словам Лейлы, недавно окончившей педагогический вуз, она все равно одевается как мужчина, когда идет на собеседование для претендентов на должность учителя. Лейла не пояснила, что она считает мужской или женской одеждой.

«От меня ждут, что я приду на собеседование в женском обличье, но вместо этого видят женщину, одетую как мужчина, – рассказывает Лейла. – Я не знаю, что отвечать на вопрос, почему я одеваюсь как мужчина, и мне отказывают [в получении места] в основном из-за такого моего внешнего вида».

Законодательство Азербайджана не защищает от дискриминации по признаку сексуальной ориентации при приеме на работу, отмечает активист Джавид Атилла Небиев. В результате некоторые представители ЛГБТ-сообщества Азербайджана, по его словам, «ищут работу в качестве секс-работников, чтобы заработать себе на жизнь».

Эта тема обычно ни под каким видом не подлежит публичному обсуждению, в том числе имамы. Однако обвинения в гомосексуальности используются против лидеров оппозиции в рамках кампании по их дискредитации.

Правозащитники и СМИ уделяют сравнительно мало внимания этим проблемам. Связаться с аппаратом уполномоченного по правам человека в Азербайджане для получения комментария по вопросу злоупотреблений в отношении представителей ЛГБТ-сообщества не удалось.

Совершенное 22 января самоубийство 20-летнего Исы Шахмарлы, возглавлявшего ЛГБТ-организацию «Azad», красноречиво продемонстрировало многим, как опасно не замечать происходящего. В своем предсмертном письме на странице в Facebook юноша обвинил в своей смерти общество в целом.

«Он покончил с жизнью, потому что этого хотело от него общество, – говорит его бывший сосед по квартире Камила Джавадзаде. – Он был одинок и пытался доказать, что нет ничего дурного в том, чтобы принадлежать к ЛГБТ. Но убедить свою собственную семью ему не удалось».

Однако одна 32-летняя лесбиянка, отказавшаяся назвать свое имя, все же не стала называть жизнь представителя ЛГБТ-сообщества в Азербайджане «трагедией». По крайней мере, никто публично не призывает применять насилие по отношению к таким людям в Азербайджане, поясняет она. «Но все совсем не в порядке», – подчеркивает женщина. Просто сталкиваясь в течение многих лет с враждебностью, она больше не рассчитывает на проявление толерантности.